

ДЕНЩИКЪ,

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДРАМА,

Н. В. Кукольника,

въ пяти актахъ, въ стихахъ.

Александринскій Театръ, къ которому особенно лежитъ наше сердце, какъ къ театру русскому, представлялъ, 13-го Декабря прошлаго, 1851 года, прекрасное, утѣшительное зрѣлище.

Публика, самая избранная, наполняла залу театра; не было ни одного незанятаго мѣста; ложи перваго яруса были наполнены зрителями, даже вопреки *бонтоному* условному комплекту; казалось, каждый старался пріютиться гдѣ только могъ, чтобы поскорѣе увидѣть новое произведеніе, подъ которымъ было выставлено любимое имя, увѣнчанное столькими высокими произведеніями.

Наканунѣ дня представленія, въ одиннадцатомъ часу утра, уже не было билетовъ на нумерованныя мѣста.

Отрадно было смотрѣть на многочисленныхъ зрителей, воодушевленныхъ одною идеею и какъ бы исполненныхъ признательности къ автору за то, что онъ дарилъ имъ еще одну мысль свою....

Наконецъ, послѣ увертюры Дюча, написанной для новой драмы, завѣса поднялась и началось представленіе, посреди глубокаго, внимательнаго молчанія.

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ, въ 1722 году.

Ермолай Антоновичъ Грегориусъ имѣетъ аптеку въ Нѣмечкой Слободѣ. Почтенный Нѣмецъ не совсѣмъ доволенъ своею судьбою; онъ жалуется, что ему отъ Русскихъ нѣтъ большой поживы:

«..... Чуть захвораетъ — въ баню!

Не ѣсть съ недѣлю — и здоровъ. И то

Черезъ два года въ третій прихворнетъ

На пять минутъ.....»

.....

Морозъ трещить, а Русскій очень радъ,

Какъ будто онъ на ледникѣ родился!»

Другое горе аптекаря то, что у него двѣ хорошенькія дочери. Ермолаю Антоновичу прохода не даютъ; особенно ухаживаютъ за дочерьми его двое военныхъ: за старшею полковникъ отъ драгунъ, за младшею — капитанъ отъ инфантеріи. Оба они рѣшаются явиться прямо къ аптекарю, и объясниться съ нимъ.

Капитанъ Саксе, скромный и прекрасный молодой человекъ, искренно любитъ Доротею, вторую дочь Грегориуса, и любимъ ею.

Полковникъ Бодевинъ отчаянный дуэлистъ и забіяка. Ему припала по вкусу Агата.

Отецъ старается отдѣлаться отъ обоихъ; первый умоляетъ, второй сватается гораздо рѣшительнѣе:

«..... Агату или уши

И носъ долой!»

Пока идутъ переговоры, является денщикъ Императора — Трофимъ.

Обязанность *денщика* при Петрѣ Великомъ, какъ лица довѣреннаго и приближеннаго къ Государю, состояла въ точномъ и быстромъ исполненіи всѣхъ повелѣній Царя, при которомъ денщикъ находился почти безотлучно.

Денщикъ Трофимъ — одно изъ прекраснѣйшихъ и самыхъ высокихъ созданій Н. В. Кукольника.

При входѣ Трофима женихи смущаются, особенно Бодевинъ, и спѣшатъ удалиться. Почтеніе, оказываемое простому солдату офицерами, заставляетъ аптекаря думать, что онъ, вѣрно, передѣтый генераль.

«..... Ваше

Превосходительство!

Денщикъ.

Я гвардіи сержантъ.»

(См. рисунокъ.)

Зачѣмъ пришелъ Трофимъ къ Грегориусу?... Случайно, въ ассамблеѣ, денщикъ увидѣлъ, Доротею, и полюбилъ ее. Онъ сватается и узнаетъ, что отецъ прочитъ ей другаго жениха. Въсѣтъ эта глубоко поражаетъ бѣднаго Трофима.

У Доротеи есть еще третій поклонникъ, Тимошей Леоновичъ Тузловъ, сынъ одного изъ закоснѣлыхъ приверженцевъ старины, не постигавшихъ великихъ преобразованій Петра. Долго старикъ

«Оборонялся ото всѣхъ указовъ;

На сѣновалѣ (сына) подъ трухою пряталъ,

Въ чужой уѣздъ съ охотой высылалъ;

Двухъ сыщиковъ я закармилъ до смерти,

А воевода съ причтомъ что мнѣ стоялъ!

Не помогло. Провѣдали фискалы,

Ужъ по шестому, кажется, указу;

На чердакѣ нашли въ домашнемъ хламѣ

И силой увезли.....»

Тимошу, по указу Государя, отправили за границу, но онъ воротился оттуда существомъ самымъ ничтожнымъ. Въмѣсто того, чтобы научиться у иностранцевъ чему нибудь полезному,

«Царю на радость, и на пользу Царству.»

Тузловъ возвращается на родину жалкою карикатурою, безсмысленнымъ попугаемъ, презрѣннымъ фатомъ. Въ Петербургѣ онъ долженъ былъ явиться на экзаменъ къ Государю.

Ты помнишь ли, — спрашиваетъ его Трофимъ.

«Ты помнишь ли, у Троицы низкій домикъ?
Хозяинъ принялъ ласково тебя,
И сталъ тебя спрашивать.....
Экзаменъ былъ короткій, но подробный.
Тогда ни по-французски, но по-русски
Ты ни гу-гу. Дрожа, игралъ въ молчанку,
Да утиралъ рукой холодный потъ
Невѣжества. Хозяинъ всталъ и взялъ
Тотъ гибкій и спасительный камышъ,
Которымъ онъ горбатымъ спину править.
Ты повалился въ ноги, но камышъ,
Неумолимый, по спинѣ запрыгаль.....»

Во второмъ дѣйствіи авторъ олицетворилъ, такъ сказать, двѣ стороны необъятныхъ трудностей гигантскаго подвига Великаго Петра.

Въ лицахъ Тузовыхъ, отца и сына, являются двѣ крайности: упорная, неподвижная старость и безумная молодость, бросившаяся впередъ, очертя голову, по дорогѣ, которая ведетъ не къ благой цѣли, а прямо въ бездну ничтожества и нравственнаго упадка.....

Какой глубокой смыслъ имѣютъ слова денщика:

«Двѣ крайности сошлись!

Упрямство неподвижной старины,
И горькій плодъ непонятой реформы!
Одежда только зло перемѣнила.
Но если выбирать изъ двухъ невѣжествъ,
Такъ лучше сгнить въ татарской старинѣ,
Задохнуться въ пуховикахъ отцовскихъ,
Безъ пользы, — но за то и безъ вреда, —
*Чѣмъ съ цѣпту европейской политуры
Идѣ высосать и разливать въ отчизнѣ!»*

Близорукому судья можетъ показаться, что второстепенныя лица не имѣютъ тѣсной связи съ дѣйствіемъ драмы. Это такъ, съ перваго взгляда; но серьезный наблюдатель такъ же скоро замѣтитъ, что всѣ эти лица необходимы для полноты картины вѣка, столь основательно изученнаго Н. В. Кукольниковъ, и такъ глубоко постигнутого имъ, не только умомъ, но и душою. Каждое лицо въ драмѣ имѣетъ свой типическій характеръ, округляющій, такъ сказать, основную мысль всего произведенія.

Изображеніе сцены изъ втораго акта представляетъ тотъ моментъ, когда Тузовъ ведетъ обѣдать свою мать, прельщенную болтовнею и хвастовствомъ сына. Послѣдній приглашаетъ и отца къ столу:

«Et vous, mon père?»

Бояринъ.

Ты задалъ мнѣ закуску;

Я съ грѣховодникомъ и ѣсть не стану!»

Между тѣмъ Ермолай Антоновичъ нашелъ своимъ дочерямъ жениховъ, которые приходятся ему по вкусу и по нраву. Онъ хочетъ отдать ихъ за двухъ молодыхъ людей, полковыхъ хирурговъ. Агата счастлива, потому что любить одного изъ нихъ, Карре; Доротея, съ сокрушеннымъ сердцемъ, покоряется волѣ отца. Она, быть можетъ, не перенесетъ своихъ страданій; она, быть можетъ, умретъ подъ бременемъ ихъ, но свято исполнитъ завѣтъ матери:

«Молись, терпи, и слушайся отца!»

День сговора назначенъ. Грегоріусъ, по желанію второй супруги своей, Плакиды Львовны, рѣшился дать ассамблею. Онъ нанялъ у портнихи Книксенъ залу, досталъ двѣ

флейты, два фагота и небольшой барабанъ; взялъ на съѣзжей на прокатъ шкальчики и плошки, и пригласилъ гостей. Экономный Нѣмецъ, вѣроятно, не рѣшился бы на такіе огромные расходы, если бъ не требовала того Плакида Львовна; чтобы, однако жъ, не слишкомъ разориться, онъ даетъ своему лаборанту благіе совѣты:

«Гей, Фердинандъ, какъ будешь подавать
Бакалею, орѣхи и цукаты,
Не стой ты долго предъ одной персоной,
Чтобъ меньше брали. Лимонаду можно
Давать имъ въ волю. Тамъ лимонъ для вкуса,
А кремортартаръ насъ не разорить.»

Гости съѣзжаются. Третій актъ, не смотря на всю трудность сценическаго исполненія, чрезвычайно оживленъ и разнообразенъ. При звукахъ тощей музыки идутъ танцы, и, въ то же время, посреди общаго движенія, развивается драма. Мать Тузова поддалась совѣтамъ сына, шагнула съ вѣкомъ, сняла душегрѣйку, и является на ассамблею въ нѣмецкомъ платьѣ на фижмахъ, затянута и напудренная.

Агата счастлива: она танцуетъ рука въ руку съ тѣмъ, кого избрало ея сердце; все улыбается ей..... Не такова Доротея: на ея лицѣ написана холодная покорность; слезинки дрожатъ на ея рѣсницахъ, и грустная, уничтоженная, выступаетъ она въ плавномъ аллеманѣ.....

Является Саксе. Онъ не можетъ жить безъ Доротеи, и пришелъ взглянуть на нее въ послѣдній разъ и просить, чтобы она благословила его на смерть..... Разстроенный видъ молодого человѣка приводитъ Доротею въ ужасъ: она вскрикиваетъ..... Музыка и танцы прекращаются.

По закону ассамблей, Саксе подлежитъ штрафу великаго орла, то есть, за нарушеніе общаго веселія, онъ долженъ выпить кубокъ вина. Ермолай Антоновичъ очень доволенъ; появленіе незваного гостя уже тревожило его; но теперь, когда онъ провинился, представляется хороший случай сдѣлать его безвреднымъ.

Аптекарь.

«Я дамъ ему мадеры съ алькermесомъ,
Еще чего нибудь туда подсыплю;
Проснитъ себѣ покойно до утра!»

(См. рисунокъ.)

Саксе выпиваетъ огромный кубокъ до дна. Опять начинаются танцы.

Полковникъ Бодевинъ, узнавъ, что аптекарь даетъ ассамблею, и не пригласилъ его, съ шумомъ врывается въ залу. Онъ начинаетъ шумѣть и хочетъ насильно отнять Агату у хирурга. Крики, буйство Бодевина, выпитое вино производятъ раздражительное дѣйствіе на Саксе. Кровь его волнуется, зрѣніе помрачается: увлеченный примѣромъ Бодевина, онъ кидается въ средину танцующихъ. Начинается страшная суматоха. Бодевинъ и Саксе преслѣдуютъ жениховъ съ обнаженными шпагами, оба требуютъ крови....

Бодевинъ убиваетъ жениха Доротеи, а Саксе смертельно ранитъ другаго хирурга.

Испуганный Ермолай Антоновичъ успѣлъ между тѣмъ сбѣгать за стражей. Выбѣжавъ изъ дому, онъ встрѣтилъ Царя, ѣхавшаго въ одноколкѣ съ какимъ-то генераломъ. Денщикъ шелъ пѣшіи возлѣ одноколки.

— Что тамъ у васъ за шумъ? спросилъ Царь аптекаря, и когда тотъ рассказалъ въ чемъ дѣло, Государь разсердился, и послалъ Трофима произвести расправу.

Полковника и капитана берутъ подъ стражу.

Не станемъ разсказывать развязки, чтобы не отнять у однихъ удовольствія видѣть ее на сценѣ, а у другихъ прочитать.

Исполненіе новой драмы на Александринскомъ Театрѣ было превосходное.

В. А. Каратыгинъ (денщикъ) былъ неподражаемъ, особенно въ четвертомъ актѣ, когда, проникнутый величіемъ прекрасной роли, онъ восклицаетъ:

«Въ двадцатилѣтнихъ подвигахъ воинскихъ,
Нерѣдко ночь насъ въ полѣ заставала;
Трудами утомленному Петру
Спина моя служила изголовьемъ....
А я не спалъ: глаза, какъ часовые,
Ходили по окрестности пустынной,
И жукъ въ травѣ не смѣлъ пошевелинуться.

Не знали мы, что значить жить на мѣстѣ.

Хозяинъ — у себя былъ только гостемъ.

Москва ли, Петербургъ, всѣ города, П

Село, деревня, одинокій хуторъ, А

Вездѣ онъ былъ заботливый хозяинъ!

Дворецъ Петра — безмѣрная Россія;

Европа палисадникъ съ цвѣтниками

Гдѣ, какъ пчела, Петръ собираетъ соты. (См. рисунок.)

.....

Я видѣлъ, какъ великій анатомъ

Разсѣкъ Россіи одрахлавленной тѣло,

Перемѣнилъ ей внутренность гнилую,

Сложилъ ей очищенные члены,

Искусно всю перевязалъ порядкомъ,

За уши поднялъ, на ноги поставилъ, —

И степь московская, Китай Европы,

За дивныя заслуги Государя,

Въ Имперію возведена соборнѣ!

.....

О, сладко, весело, отраднo, любо

Смотрѣть вблизи, смотрѣть со всѣхъ сторонъ,

Какъ, дивными дѣлами человека,

Исторія поставлена въ тупикъ!

И, побѣжденная, благоговѣнно

Титуль Великаго даетъ живому.....»

Слова эти были произнесены посреди глубокаго молчанія..... Но не молчали сердца зрителей; громко билось русское сердце, неизмѣнно признательное къ дѣяніямъ своего Благодѣтеля, положившаго первое и самое прочное основаніе настоящему величію Россіи..... Не кончилъ В. А. Каратыгинъ всего монолога, и уже раздался громъ рукоплесканій искренняго, горячаго восторга. Мы видѣли, какъ на тысячѣ глазахъ сверкали слезы — чистые алмазы, приносимые въ даръ писателю, умѣвшему затронуть струну отечественнаго чувства.....

Борьба Трофима, въ четвертомъ же актѣ, съ собственнымъ сердцемъ, съ человѣческой слабостью и священнымъ долгомъ царскаго слуги, выражена превосходно:

«Что? Государь? Глаза его на мнѣ!

Вонзились въ душу огненные взоры.....

Читаетъ душу.... я пропасть.... читаетъ....

«А гдѣ, Трофимъ, довѣріе мое?»

Ухъ лихорадка!

«Слухъ мой для несчастныхъ

«Всегда отверзтъ. Ты заслонилъ мой слухъ!

«Ты двадцать лѣтъ, бездѣльникъ, притворялся,

«Ты двадцать лѣтъ обманывалъ меня!»

.....

«Ты спряталъ челобитную, какъ воръ!

«Трофимъ! Поди сюда! Подай бумагу!.....»

(Бѣжитъ къ дверямъ.)

Вотъ, вотъ она, Великій Государь!

Абрамъ. (отворяетъ дверь и становится почтительно.)

Его Величество сейчасъ выходить.....

Денщикъ. (у самыхъ дверей, упавъ на колѣни, протягиваетъ просьбу навстрѣчу Государю и опускаетъ голову.)

Помилуй недостойнаго Трофима!....

(См. рисунокъ.)

Обаяніе этихъ словъ, обаяніе игры В. А. Каратыгина таково, что публика остается на мгновеніе въ какомъ-то оцѣпенѣніи, полномъ трепетнаго, восторженнаго ожиданія.... Такъ и кажется, что самъ Петръ явится на порогъ растворенной двери.... Всѣ невольно привстаютъ..... Сцена забыта, передъ глазами всѣхъ — дѣйствительность, живая, величественная.....

Второе мѣсто въ исполненіи принадлежитъ Г-жѣ Самойловой 2-й. Съ рѣдкимъ тактомъ поняла она трудную роль Доротеи, и передала ее превосходно. Она ни на мгновеніе не забывала своей роли, даже въ третьемъ актѣ, во время танцевъ, на лицѣ и въ движеніяхъ Г-жи Самойловой было то выраженіе скорбной покорности, которою проникнута роль ея. Въ четвертомъ и пятомъ актахъ молодая и несравненная артистка наша явила всю силу своего таланта.

Г-жа Орлова (Агата) была очень хороша въ своей, довольно незначительной роли.

Трудная роль Ермолая Антоновича Грегоріуса досталась И. И. Сосницкому. Замѣтно было, что заслуженный артистъ съ любовью изучилъ свою роль; но, по недостатку ли физическихъ средствъ, или по какимъ-либо другимъ причинамъ, роль аптекаря прошла въ первыхъ представленіяхъ незамѣченною. Комисмъ Ермолая Антоновича выражается не въ дѣйствіи, а въ характерѣ, въ словахъ; словъ-то и не было слышно въ первыхъ представленіяхъ. Въ послѣдствіи, однако жъ, И. И. Сосницкій какъ бы яснѣе понялъ характеръ роли, и теперь публика опять рукоплещетъ своему старому любимцу.

Г. Брянскій (Тузловъ, отецъ) былъ настоящій бояринъ не у дѣль. Роль его не велика, но характерна и выразительна.

Г-жа Сосницкая (жена боярина) исполнила свою роль превосходно. Подслѣповатая привязанность матери и тщеславіе женщины были выражены ею равно совершенно. Въ напудренной прическѣ и въ платьѣ на физмахъ она была уморительна.

Не знаемъ, когда остановится развитіе прекраснаго таланта Г. Самойлова (Тузовъ, сынъ); въ каждой новой роли является новая сторона этого таланта. Не многіе артисты обладаютъ граціею и приличіемъ игры Г. Самойлова. Тимошей Леонтьевичъ хвастаетъ такъ мило, такъ развязно, что на него нельзя даже посердиться.

Роль Г. Мартынова (Федька, слуга Тузова) незначительна, но благодаря его игрѣ, выдвинулась впередъ.

Мы впервые встрѣтили имя Г. Степанова (Саксе) въ значительной роли, и съ удовольствіемъ можемъ сказать, что онъ игралъ весьма удовлетворительно. Дикція Г. Степанова очень хорошая; наружность пріятная; недостаетъ только развязности въ движеніяхъ.

Г. Григорьевъ (Бодевинъ) также очень хорошо выдержалъ роль буяна, забіяки.

Словомъ, почти всѣ лучшіе артисты были на сценѣ и, казалось, всѣ радовались появленію новаго произведенія, въ которомъ каждый изъ нихъ могъ участвовать съ честью.

Въ концѣ четвертаго акта и по окончаніи спектакля, публика выразила свое удовольствіе, единодушно вызвавъ автора.

Множество толковъ, порожденныхъ новою драмою доказываютъ, какое глубокое впечатлѣніе она произвела на публику. «Денщика» давали уже болѣе десяти разъ, и всегда театръ былъ полонъ. Мы, со своей стороны, скажемъ, что если бъ у Н. В. Кукольника и не было прошедшаго, ознаменованнаго прекрасными трудами, то однимъ «Денщикомъ» онъ составилъ бы себѣ ту заслуженную славу, которая нераздѣльна съ его именемъ.

В. Т.

ОБЪ ИЗДАНІИ РУССКАГО ХУДОЖЕСТВЕННАГО ЛИСТКА въ 1852 году.

Вниманіе всѣхъ любителей изящнаго къ Русскому Художественному Листку, даетъ издателю способы продолжать свое изданіе и въ 1852 году. Въ Русскомъ Художественномъ Листкѣ, согласно его программѣ, по-прежнему, будетъ помѣщаться все близкое Россіи, изъ прошедшаго и современнаго ея быта. Русскій Художественный Листокъ и въ 1852 году будетъ выходить три раза въ мѣсяць: 1-го, 10-го и 20-го числа, въ поллиста большаго формата рисунковъ, а текста прилагаемо будетъ сколько необходимо для объясненія или описанія изображеній. Издатель, въ этомъ отношеніи, будетъ слѣдовать тѣмъ же правиламъ, какъ и въ 1851 году.

Подписка на Русскій Художественный Листокъ открыта на двухъ условіяхъ: подписчики могутъ, по желанію, получать изданіе *сложеннымъ*, немедленно по выходѣ въ свѣтъ,

въ наглухо-заклеенныхъ конвертахъ, съ печатными адресами, какъ то было въ 1851 году, или *вовсе несложеннымъ*, накатаннымъ на палку, наглухо-заклееннымъ бумагою, и также съ печатнымъ адресомъ (несложные номера будутъ отправляемы по три вдругъ, 1-го числа каждаго мѣсяца). Цѣна на Русскій Художественный Листокъ на первомъ основаніи оставлена прежняя, **ДЕВЯТЬ** рублей серебромъ, а для несложныхъ назначена въ **ДВѢНАДЦАТЬ** рублей серебромъ, съ доставкою на домъ въ С. Петербургѣ, и съ пересылкою во всѣ города Имперіи, Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго. Городскіе подписчики, желающіе получать номера Русскаго Художественнаго Листка *несложенными*, могутъ, по примѣру 1851 года, получать ихъ сами, за **ДЕВЯТЬ** рублей серебромъ, немедленно по выходѣ въ свѣтъ, изъ нижеозначенныхъ трехъ мѣстъ: изъ Конторы Редакціи Сѣверной Пчелы и изъ книжныхъ магазиновъ П. А. Ратькова и Ф. В. Базунова (на Невскомъ Проспектѣ), и для того должны только предварительно извѣстить о своемъ желаніи.

Подписка на Русскій Художественный Листокъ 1852 года принимается въ Конторѣ Редакціи Сѣверной Пчелы, на Мойкѣ, у Почтамтскаго Мостика, въ домѣ Греча, въ книжныхъ магазинахъ П. А. Ратькова, Ф. В. Базунова (на Невскомъ Проспектѣ), Я. А. Исакова (въ Гостиномъ Дворѣ), въ Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта и въ литографіи Мюнстера, въ Большой Садовой, въ домѣ Риттера, бывшемъ Мюнстера, а въ Москвѣ: въ книжныхъ магазинахъ И. В. Базунова, П. А. Ратькова и въ эстампномъ магазинѣ Г. Даціаро. Иногородные благоволятъ относиться къ самому издателю, Василю Фодоровичу Тимму, въ С. Петербургѣ, на Васильевскомъ Острову, въ третьей линіи, въ домѣ Варнека.

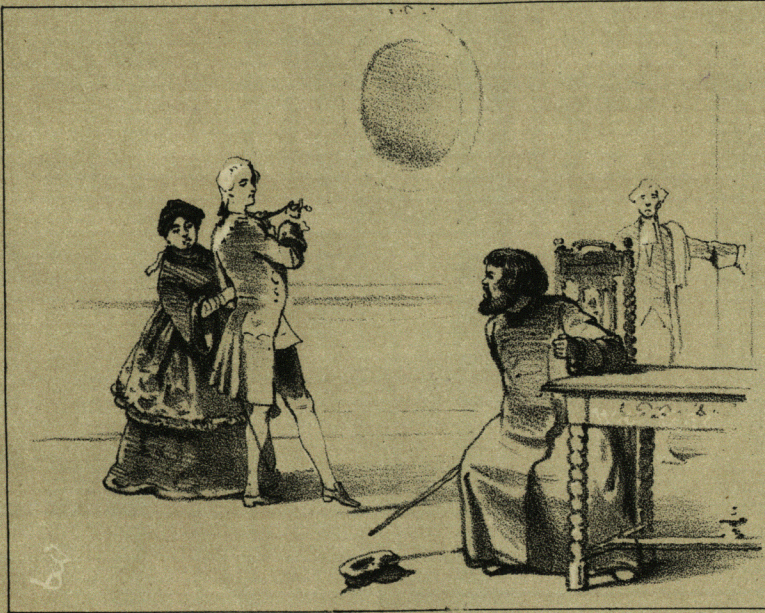
Остающіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры 1851 года можно получать отъ самого издателя, но не по *девяти*, а по *двѣнадцати* рублей серебромъ (съ пересылкою, или безъ оной) за экземпляръ несложный. Лица, подписывающіяся на 1852 годъ, и желающія получить 1851 годъ, платятъ только *девять* рублей за экземпляръ (при чемъ Русскій Художественный Листокъ будетъ доставленъ *сложеннымъ*).

На рисунокъ, приложенномъ къ № 2-му Русскаго Художественнаго Листка, представлены: Портретъ Н. В. Кукольника, автора драмы «Денщикъ» и слѣдующія сцены изъ этой пьесы: 1) сцена перваго акта, явленіе шестое; 2) втораго акта, явленіе двѣнадцатое; 3) третьяго, явленіе девятое; 4) четвертаго, явленіе десятое; 5) четвертаго, явленіе двадцатое; 6) пятаго, явленіе восьмое и 7) того же акта, явленіе послѣднее.

ПОПРАВКА.

На рисунокъ ошибочно отпечатано въ третьей сценѣ перваго ряда актъ 1-й, явл. 20-е, должно быть актъ 4-й, явл. 20-е.

Актъ 2, Явл. 12^е

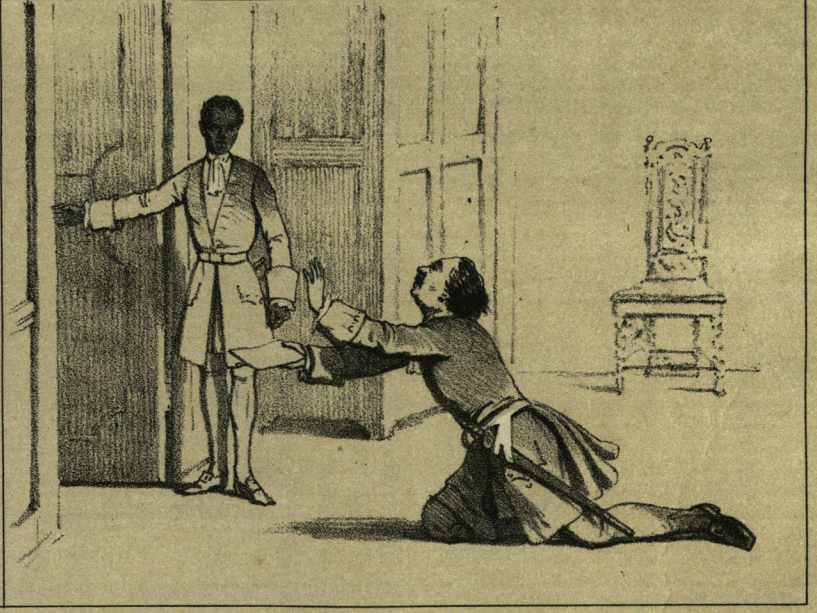
Глузловъ. Et vous mon père?
Глузловъ. Ты задалъ мнѣ закуску.
Я съ грѣховодникомъ и ѣсть не стану...

Актъ 3^и, Явл. 9^е

Литскарь. Я дамъ ему мадеры =
съ алькермесомъ.

Актъ 4, Явл. 20^е

Абрамъ. Его Величество сей часъ выходитъ...
Трофимъ. Помилуй недостойнаго Трофима.

Актъ 4, Явл. 6^е

Литскарь. /Деньщику/ Ваше Превосходительство...
Трофимъ. Я Гвардіи Сержантъ...

Н. В. КУКОЛЬНИКЪ

Актъ 4, Явл. 10^е

Трофимъ. Дворецъ Петра - везмиръная Россія;
Европа полисадникъ съ цвѣтниками,
Идѣ, какъ пчела, Петръ собираетъ соты.

Актъ 5, Явл. 8^е

Наня. узнавъ въ часовомъ бояричѣ /
Тимошинька!
Глузловъ. Пошла ты, баба, прочь!

Актъ 5, Явл. послѣднее.

Доротея. Крестъ матери, единственный клейнодъ,
Моя единственная драгоценность,
Напутствуй незабвеннаго Трофима!

Сцены изъ драмы Н. В. Кукольника: ДЕНЬЩИКЪ, представленной въ первый разъ на Александринскомъ Театрѣ, въ С. Петербургѣ, 13го Декабря 1851 года.